

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Я НЕ ОБЕЩАЛА
ОСТАТЬСЯ

Виолетта Весна

Я не обещала остаться

<https://litres.ru/74638089>

SelfPub; 2026

Аннотация

С Егором Озеровым Нике Воронцовой хочется спорить, смеяться и остаться до утра. На зимнем курорте «Белый уступ» она оценивает лавинную опасность, а он руководит горнолыжной школой. Оба привыкли, что на них полагаются. Позволить кому-то позаботиться о себе гораздо труднее.

Ника уже оставила у него зубную щетку и начала мечтать о нескольких летних днях вдвоем, когда Егор пообещал клиентам, что горнолыжная программа состоится, сославшись на ее слова. Ничего подобного она не говорила.

Ника знает, что должна сказать на работе. Слова для мужчины, которого по-прежнему хочется обнять, найти куда труднее. Сможет ли она снова довериться Егору, если впереди их ждет разлука, а одной страсти уже недостаточно?

Содержание

Глава 1. Закрытая чаша	4
Глава 2. Здесь тоже живут	29
Глава 3. Без рабочей куртки	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Виолетта Весна

Я не обещала остаться

Глава 1. Закрытая чаша

Мужчина в синей куртке положил передо мной шесть красных браслетов.

— Это люди, — сказал он. — Они сейчас стоят в коридоре. Кто выйдет и объяснит им, что происходит?

Пластиковые застёжки ещё не были защёлкнуты. На каждом браслете белели две вершины и надпись «Своя высота». Один свалился на распечатку, где я обвела участок Северной чаши. Я сдвинула его на пустой край стола.

— Я могу объяснить, почему не рекомендую открывать сектор.

— Отлично. Тогда идемте.

— Егор, сядь, — сказал директор эксплуатации. — Мы ещё не закончили.

Мужчина остался стоять. Куртка была расстегнута, у ворота темнел влажный свитер. Он, вероятно, только что пришел с улицы, а мне в комнате уже полчаса было жарко. Батарея под окном шипела, на подоконнике медленно раскрывался забытый кем-то пластиковый контейнер с горячими сырниками.

— Вадим, я с половины восьмого жду ответа. У меня люди в ботинках. Один мужчина сейчас начнет снимать свою жалобу на все, что увидит, включая твои сырники.

Рощин захлопнул контейнер.

— Сектор закрываем. Сегодня точно. По завтрашнему дню решение после новой оценки. Все, этого тебе достаточно?

— Мне — да. Им — нет. Они на неделю приехали. Мне нужно знать, что мы можем предложить вместо чаши.

Он произнес это без нажима и посмотрел на схему. Я ожидала другого: обвинения в перестраховке, рассказа о тридцати годах хождения по этим горам, предложения съездить вместе и показать, что я ошиблась. К таким разговорам я успела подготовиться еще в машине, пока водитель поднимал меня в поселок по темной дороге. Мысль, что придется отвечать за содержание чужого отпуска, почему-то не пришла.

— Нижняя учебная зона работает, — сказала Марина Белова. — И допущенные трассы восточнее. Схема у диспетчера обновляется сейчас.

— Моя группа на учебный склон не поедет.

— Тогда сегодня у твоей группы не будет верхней программы.

Он провел ладонью по щетине. На подбородке я заметила белый короткий рубец. Ладонь была большой, с покрасневшими костяшками, и почему-то именно это окончательно

но вывело меня из состояния рабочего ожидания. Передо мной стоял живой раздраженный мужчина, а не очередная возможная помеха, которую я перечисляла про себя в машине.

— Имя? — спросил он у меня.

— Ника Воронцова.

— Егор Озеров. Пойдемте, Ника. Только без слов «в рамках имеющихся данных». Я их сам уже сегодня говорил.

Я поднялась. Марина коснулась моего локтя.

— Встретимся внизу через двадцать минут. Не обещай им погоды.

— Я и не собиралась.

— Я знаю. Просто они будут просить.

У Егора дернулся угол рта. Я не поняла, усмешка это была или начало возражения, но выходить он пропустил меня первой.

В коридоре пахло мокрой шерстью, кофе из автомата и чем-то резким, похожим на мазь для растирания мышц. Шестеро гостей занимали почти весь проход. Женщина в белом комбинезоне сидела на лавке, вытянув ноги в тяжелых ботинках. Рядом с ней худощавый мужчина держал шлем сразу двумя руками, будто боялся, что его отберут. Еще двое смотрели каждый в свой телефон. Высокий седой человек в ярко-оранжевой куртке стоял у окна, а его спутница терла платком запотевшие очки.

Я остановилась возле автомата. Егор встал рядом, не за-

слоняя меня.

— Верх сегодня закрыт, — сказал он. — Мы туда не пойдем. Ника из службы безопасности объяснит обстановку. После этого разберемся с вашей программой.

— А вы из какой именно службы? — спросил седой.

Я представилась еще раз, объяснила, что занимаюсь оценкой лавинной опасности. Он кивнул, словно принял предварительный ответ на экзамене.

— Скажите, лавина была?

— Сегодня на этом участке — нет.

— Вчера?

— Речь не только о том, что уже произошло.

— То есть ничего не случилось, но нас все равно не пускают.

Женщина в белом комбинезоне подняла голову.

— Володя, дай ей договорить.

— Я даю. Просто хочу ясности.

Я посмотрела на его руку. Телефон он держал объективом ко мне, но экран был темным. Возможно, запись еще не началась. Возможно, он просто привык так стоять. У меня уже возникло неприятное желание выбрать каждое слово так, чтобы из него нельзя было вырезать ничего лишнего, и от этого объяснение сразу получалось тяжелым.

— У нас есть наблюдения, которые не позволяют считать этот сектор пригодным для открытия. Сейчас опасность может сохраняться и при хорошей видимости. Красивое утро

здесь ничего не доказывает.

За стеклом действительно было красиво. Солнце только подбиралось к противоположному склону, вершины оставались розовыми, а над поселком висел сизый дым. Человек, приехавший из города, мог решить, что его не пускают к единственному дню настоящей зимы из чьей-то вредности.

Я знала это чувство. Сама в двадцать лет злилась на закрытую дорогу так, будто гора намеренно нарушила договор именно со мной.

— Если бы мы знали заранее, выбрали бы другие даты, — сказала женщина с очками.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Я три месяца меняла дежурства. Три. Муж говорит: давай уже летом. Но летом другое. Он каждый раз говорит «летом», и мы вообще никуда не едем.

Последняя фраза была обращена скорее к седому, чем ко мне. Он убрал телефон в карман.

— И что вы нам предлагаете?

Я не успела ответить. Егор чуть подался вперед.

— Я предлагаю не выяснять у Ники, как вернуть вам отпуск. Это моя работа. Сегодня можем пройти открытую программу с заменой верхнего участка. Кому она не подходит, пойдем в школу, посмотрим, что можно перенести, что отменить. Но сначала вы все снимете ботинки. Мучиться в коридоре ради принципа не требуется.

— Мне подходит помучиться, — сказала женщина в бе-

лом. — Я в них сорок минут влезала.

Егор присел перед ней, не касаясь застежек.

— Маргарита, вы же хотели проверить, давит ли справа. Теперь мы точно знаем: давит везде. Пойдемте хотя бы сядем нормально.

Она фыркнула, но поднялась. Худощавый мужчина сразу забрал у нее шлем.

— Это не смешно, — сказал Володя.

— Я не смеюсь над тем, что у вас пропал день, — ответил Егор. — И не стану делать вид, что могу вернуть его разговором. Давайте разбираться с тем, что могу.

Он повел гостей к выходу. Я задержалась, чтобы застегнуть куртку. Внезапно стало стыдно за то, как уверенно еще пять минут назад я распределяла будущих собеседников по знакомым категориям. Впрочем, стыд не помешал мне сказать глупость.

— Если бы владельцы школ заранее объясняли людям, что продают не гарантию хороших условий, таких разговоров было бы меньше.

Егор обернулся. Гости уже спускались по лестнице, и он придерживал тяжелую дверь плечом.

— Если бы объяснение погоды принимали вместо отпуска, у нас с вами было бы гораздо меньше работы.

— Я серьезно.

— Я тоже. Вы наш договор читали?

— Нет.

— На вводном разговоре были?

— Нет, но сейчас люди явно удивлены.

— Они разочарованы. Это немного другое.

Мы смотрели друг на друга. Я слышала, как внизу Маргарита ругала ботинки, а ее спутник предлагал донести ее до машины и получал за это отповедь.

— Я все равно не понимаю, почему мы должны оправдываться за то, что вы успели продать, — сказала я.

Егор отпустил дверь. Доводчик медленно потянул ее к косяку.

— Никто не просил вас оправдываться. Я попросил объяснить ваше решение. Свое я объясняю с утра.

Он вышел, не хлопнув дверью, и это почему-то разозлило сильнее, чем хлопок.

Когда я добралась до машины службы, Марина уже сидела впереди. На заднем сиденье молодой сотрудник придерживал два термоса и папку. Он отодвинул вещи, освобождая мне место.

— Садитесь. Я Денис.

— Ника.

— Это я понял. Вас уже внизу обсуждают.

— Денис, — сказала Марина.

— В хорошем смысле. Ну, то есть пока просто обсуждают. Я закрыла дверь чуть громче, чем собиралась.

Марина не стала спрашивать, что произошло. Достала из кармана небольшое яблоко, протерла рукавом и протянула

мне.

— Вы завтракали?

— Да.

— Когда?

— В аэропорту.

— Вчера?

Я взяла яблоко.

В машине было тесно и пахло резиной. На поворотах Денис прижимал папку к коленям, словно в ней лежали живые птицы. За окнами проплывали домики, прокат, закрытая летняя веранда. У входа в аптеку женщина в домашнем пальто старательно отбивала лопатой лед. На перилах соседнего крыльца сушились три пары детских варежек. Утро продолжалось, хотя в кабинете Рощина мне успело показаться, что я остановила его целиком.

— Озеров трудный? — спросила я.

— Бывает, — ответила Марина. — Вы тоже, кажется, не подарок.

Денис притворился, что рассматривает окно.

— Я не про себя.

— А я про обоих. Он не станет вести группу за ограждение. Это вам надо знать. Все остальное выясните сами.

— Я не собираюсь ничего выяснять.

Марина наконец повернулась.

— Ника, вы здесь до марта. Ничего не выяснять не получится.

Она была невысокой, с короткими жесткими волосами, которые после шапки вставали на затылке. Вчера вечером по телефону ее голос показался мне усталым и неприветливым. Теперь я видела, что она просто не тратила силы на лишние интонации. Вполне удобное свойство, пока оно не обращалось против меня.

На рабочей базе мы переоделись, проверили нужное для выхода и дождались еще двоих сотрудников. Мне хотелось быстрее оказаться снаружи. У наблюдений были ограничения, погрешности и неприятная привычка опровергать ожидания, но они хотя бы не обижались на формулировки.

Мы работали на допущенной нижней территории. Марина показала, какие участки необходимо сопоставить с прежними наблюдениями, где проходит граница сегодняшнего плана, к кому обращаться, если потребуется что-то изменить. Я внимательно слушала и задавала вопросы. В новом месте собственный опыт легко начинал обманывать: знакомая форма склона подталкивала решить, что остальное тоже знакомо. Я несколько раз останавливала себя, прежде чем делать вывод.

Денис сначала отвечал раньше Марины, потом увлекся работой и забыл стараться понравиться. Он оказался толковым, быстрым и слишком молодым для своих старых потрепанных перчаток. На одном пальце торчала нитка, которую он время от времени откусывал.

— Запасные есть? — спросила я.

— На базе.

— Завтра наденьте.

Он посмотрел на перчатку так, словно увидел ее впервые.

— Да нормальные еще.

— Хорошо. Тогда мне не надо делать вид, что я не заметила, а вам — что не услышали.

Он рассмеялся.

Я тоже улыбнулась. Снег под ногами скрипел, из-за ворота постепенно уходила городская сырость. Хотелось снять шапку, но на открытом месте сразу ударил ветер, и я натянула ее ниже. Под ногами лежала зима, ради которой я много лет соглашалась на временные комнаты, ранние подъемы и перелеты с лишним багажом. Она не обязана была окупать чьи-то ожидания. Но люди вокруг нее все равно жили, и отмахнуться от них, как от ошибки в расчетах, было невозможно.

К полудню я успела забыть про красные браслеты. Потом мы вернулись к нижнему склону и увидели группу школы.

Володя в оранжевой куртке стоял в стороне. Маргарита уже сняла шлем и с удовольствием ела что-то из бумажного пакета. Ее спутник пытался поправить крепление камеры у себя на груди. Егор объяснял программу двум оставшимся гостям. Он стоял без перчаток, придерживая их вместе с шапкой, и солнце высветило седину у его правого виска.

Я поймала себя на том, что заметила именно висок, а не схему в его руке. Отвернулась к Марине.

— По нашему участку у меня без изменений. Я вечером

свожу наблюдения.

— Хорошо. И отдохнете.

— Я не устала.

— Я вас пока не знаю, поэтому поверю один раз.

Мы пошли к служебному входу. За спиной раздался резкий окрик:

— Да вы сами говорили, что здесь есть варианты!

Я обернулась. Володя держал лыжи на плече, едва не задев ими Маргариту. Егор опустил руку с картой.

— Здесь есть варианты, которые сейчас открыты. То, что вы нашли на старом видео, сегодня к ним не относится.

— Я не нанимал няньку.

— Тогда вам особенно легко будет услышать слово «нет».

Мне захотелось остаться. Это было некрасиво и совершенно понятно: я ждала доказательства, что человек, так уверенно отчитавший меня утром, сам сейчас потеряет терпение. Но Марина уже придерживала дверь, и я вошла.

Внутри пахло горячей пылью. На батарее лежала чья-то мокрая балаклава, под столом гудел маленький обогреватель. Я поставила рюкзак и вдруг поняла, что голодна до легкой тошноты. Яблоко не считалось завтраком, сколько бы я ни убеждала себя в обратном.

Марина передала мне ключ от шкафчика.

— В столовой еще есть суп. Потом свободны до четырех. Сводить будете на базе, у нас здесь доступ ко всему, что понадобится. В отель работу сегодня не уносите.

— Я еще даже не заселилась.

— Тем более.

Отель «Ручей» стоял на соседней улице, за пекарней и маленьким магазином, в котором заодно продавали лампочки, корм для кошек и лыжные носки. Мой чемодан привезли туда утром из служебной гостиницы. Ночью, после задержки рейса, я спала на узкой кровати в комнате над базой и успела решить, что при необходимости выдержу так весь сезон. После супа выяснилось, что выдерживать не хочется.

У «Ручья» были деревянное крыльцо, низкая ограда и неубранная новогодняя гирлянда, одна лампочка которой мигала через три. В холле женщина с темными вьющимися волосами сидела прямо на полу и пыталась приклеить отломанное колесико к детскому чемодану.

— Если вы Ника, ваш номер готов, — сказала она, не поднимаясь. — Если вы пожарная проверка, я вот прямо сейчас уберу проход.

— Ника.

— Прекрасно. Тогда подержите, пожалуйста, вот тут. Только не за клей.

Я поставила рюкзак, присела рядом и прижала пластиковую деталь.

— Его же снова оторвут.

— Знаю. Мне надо, чтобы оно пережило дорогу до машины. Потом отец ребенка обещал лично купить нормальный чемодан. Я Аля.

— Очень приятно.

— Мне тоже. Хотя я обычно встречаю гостей выше.

Из коридора выглянул мальчик лет пяти. На нем были носки разного цвета и кофта с огромной ракетой.

— Получилось?

— Почти, — сказала Аля. — Но пока смотреть нельзя, клей стесняется.

Мальчик серьезно кивнул и спрятался. Я не удержалась от смеха.

— Еще вчера прокатывало «он спит», — сообщила Аля.

— Сегодня этот вариант не прошел. Так, спасибо. Теперь можно отпускать.

Она осторожно поставила чемодан, поднялась с пола и вытерла руки салфеткой. На одном колене черных брюк осталось светлое пятно.

— У вас четырнадцатый, второй этаж. Окно во двор. Завтрак с семи, если надо раньше, предупредите вечером. И пожалуйста, не делайте вид, что вам все подходит, если не подходит. У нас в прошлом году мужчина три недели спал с открытым окном, потому что не решался спросить, как убавить батарею.

— Справлюсь.

— С батареей или с тем, чтобы спросить?

— Надеюсь, с обоими пунктами.

Она протянула мне ключ и, наконец, посмотрела внимательно.

— Вы та самая, которая сегодня закрыла верх?

Я почувствовала, как с лица уходит улыбка.

— Решение принимала не я одна.

— Я не с претензией. Просто поселок маленький, а формулировки у нас быстрые. Кто-то должен оказаться самым главным.

— Пусть будет директор эксплуатации.

— Скучно. Его все знают.

Аля подхватила мой чемодан за боковую ручку. Я сразу перехватила ее руку.

— Не надо, тяжелый.

— Вижу. Поэтому и несу за нормальную ручку, а не за ту, которую вы уже согнули.

Мы потянули чемодан одновременно, неловко стукнули им о стойку и остановились. Аля посмотрела на меня, я на нее. Она первой отпустила.

— Хорошо. У вас тут самостоятельный тариф. Лестница направо.

Номер оказался маленьким и приятным: светлые стены, широкая кровать, стол возле окна. В углу стояло кресло с протертым подлокотником. За стеклом мужчина на соседнем участке стряхивал снег с веревки для белья, а рыжая собака внимательно наблюдала за ним из-под навеса.

Я сняла куртку и осталась посреди комнаты. Когда никто не ждал ответа, собственной усталости сразу становилось слишком много. Болели плечи, свитер неприятно прилип к

спине. Хотелось лечь прямо так, но сначала я открыла чемодан и достала чистую футболку.

На самом дне лежали серебряные серьги. Я положила их туда накануне вылета, потом долго не могла найти, а теперь вспомнила, как стояла у зеркала в петербургской квартире и примеряла их к винному свитеру. Подруга Ира в это время сидела на моей кровати и ела мандарин.

«Ты куда едешь, на работу или в ссылку? Возьми уже нормальную одежду».

Я взяла. И сережки, и свитер, и купальник, который выглядел в чемодане особенно неправдоподобно.

Телефон зазвонил, когда я как раз стаскивала футболку через голову. На экране было имя Аркадия. Я ответила не сразу, успела зацепиться ухом за ворот и выругалась.

— Начало оптимистичное, — сказал он.

— Это не вам.

— Очень жаль. Я приготовился возражать.

Я села на кровать.

— Вы где?

— Дома. Жду человека, который должен посмотреть кран.

Он уже второй раз объясняет мне, что вот-вот выезжает. Думаю, в третий раз начну платить за сам процесс ожидания. Как добрались?

— Нормально. С задержкой, но ничего страшного.

— А работа?

Я посмотрела на сережки у края раскрытого чемодана.

— Уже успела испортить людям отдых.

— Это результат вашей работы или оценка обслуживания?

— Аркадий Сергеевич.

— Ника, я серьезно. Что произошло?

Я коротко рассказала про утро. Он не перебивал, только один раз попросил уточнить, что именно я видела сама, а что мне передали. К концу разговора я наконец отделила чужое раздражение от того, что действительно требовалось сделать.

— По заключению есть сомнения? — спросил он.

— Нет.

— По способу разговора, судя по голосу, есть.

— Возможно, я сказала лишнее одному владельцу школы.

— Бывает. Мне вы однажды сказали, что я веду совещание, как обиженный завуч.

Я закрыла глаза.

— Господи. Вы это помните?

— Конечно. Я потом полдня пытался понять, какая именно часть была несправедливой.

Я рассмеялась, хотя смущение никуда не делось.

— И поняли?

— Нет. Пришлось закончить совещание пораньше.

Он сказал это легко, привычно. Пять лет назад мне казалось, что мы больше никогда не сможем разговаривать легко. Я помнила его руку на больничном одеяле и собственный голос, которым повторяла, что надо было возразить еще раз.

Теперь он обсуждал кран, сердился на курьера, работал, присылал фотографии внучки. Я иногда по-прежнему начинала извиняться, хотя никто давно не ждал от меня извинений.

— Ника, вы там не собирайтесь отвечать за все сразу, — добавил он. — Я вас знаю.

— Не собираюсь.

— Хорошо. Значит, зря беспокоюсь. У меня звонят. Возможно, началась новая жизнь с исправным краном.

Мы попрощались. Я поставила будильник, легла поверх покрывала и проспала сорок минут, так и не убрав чемодан с половины кровати.

К четырем я вернулась на базу. Денис принес мне кружку, на которой было написано «Лучшей маме», и сразу объяснил, что других чистых нет. Я поблагодарила его и села за наблюдения. К вечеру утреннее раздражение уменьшилось до неприятного точечного воспоминания: «почему мы должны оправдываться за то, что вы успели продать».

Я слышала собственную фразу уже без желания ее защитить. Получалось скверно.

— Марина, — позвала я, когда она проходила мимо. — В школе еще будут люди?

— До семи точно. Что случилось?

— Мне нужно поговорить с Озеровым.

Она посмотрела на часы.

— Он просил зайти, когда закончите. Хотят обсудить замену программы. Я могу пойти с вами.

— Не надо. Я сама.

— Вы уверены?

Я чуть не ответила раздраженно, но увидела, что она спрашивает без подковырки.

— Да. Спасибо.

Школа находилась в двухэтажном здании недалеко от нижней площадки. Внизу были прокат и маленький зал, сверху — окна с обычными занавесками. На двери висела мокрая варежка. Я сначала приняла ее за забытый кем-то предмет, потом увидела бумажку: «Хозяин, мы ждем тебя третий день».

Изнутри доносился смех. Я постучала и вошла.

За длинным столом сидели шесть человек. Один мужчина ел прямо из кастрюльки, женщина с короткими черными волосами склеивала разорванную упаковку пластыря, еще двое спорили над телефоном. Егор стоял у стены со схемой курорта. Без куртки он оказался еще выше, чем мне запомнилось. Рукава свитера были закатаны, на левом предплечье темнели старые царапины.

— Ника, — сказал он. — Проходите. Здесь можно в обуви.

Я уже успела посмотреть на пол и поэтому разозлилась на себя: будто пришла в гости к строгой тетке.

— Добрый вечер.

— Пока неизвестно, — ответил мужчина с кастрюлькой.

— Стас. Соучастник этой школы.

— Совладелец, — поправил Егор.

— До вечера я бы не уточнял.

Он отодвинул стул. Я села, положила перчатки на колени и сразу поняла, что приготовленная по дороге спокойная речь прозвучит здесь ужасно.

— Сначала я хочу исправить то, что сказала утром, — начала я. — Я обвинила вас в том, что вы продаете людям гарантии, которых не можете дать. Я не видела, как вы с ними разговаривали до приезда, и не читала ваших условий. Не должна была этого говорить.

Стас перестал жевать. Женщина с пластырем тоже подняла голову.

Егор некоторое время смотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он. — Принимается.

И все. Без облегченного «да забудьте», без великодушной улыбки, без рассказа, как часто его несправедливо обижают приезжие. Почему-то мне стало легче именно от этого.

— Но по сектору моя оценка не изменилась.

— Мы поняли, — сказал Стас. — Нам теперь нужно придумать, как прожить ближайшие дни, не превратившись в клуб игры в нарды. Хотя нарды у нас есть, и некоторые сотрудники могут провести углубленный курс.

Мужчина у окна показал ему два пальца.

— Два часа, — пояснил Стас. — Больше он с людьми без снега не выдерживает.

На столе лежали листы с расписанием. Я попросила чи-

стый и сначала выписала то, что уже знала: открытые зоны, время очередного обсуждения, границы информации, которую можно сообщать гостям сейчас. Егор сел напротив. Стас то вставал к чайнику, то возвращался с очередной идеей. Иногда мне приходилось говорить, что я этого не знаю и не могу решить прямо здесь. После третьего раза я приготовилась к недовольству, но девушка с пластырем просто подвинула к себе лист.

— Тогда это пока не пишем. А здесь можно разделить группу. У этих двух разный темп, они все равно друг друга съедают к среде.

— Лена, ты обещала не оценивать гостей по пищевому поведению, — сказал Стас.

— Я профессионально. Один торопится, второй боится. Им неудобно вместе, а мы изображаем семейную идиллию.

Речь шла о людях, которых я утром видела в коридоре. Они постепенно переставали быть шестью обманутыми отпусниками: у каждого обнаруживались навыки, ожидания, усталость, отношения с тем, кто стоял рядом. Егор помнил, у кого заболело колено после дороги, кто хотел учиться, а кто просто не хотел отпускать жену одну. И от этого не выглядел мягким. Наоборот, чем больше он знал, тем определеннее отказывал в невозможном.

Дверь открылась, когда мы обсуждали следующую утреннюю группу. Вошел Володя в оранжевой куртке. Без шлема он оказался не таким старым, как мне показалось утром;

седина и загар добавили ему лет. За ним остановилась его спутница.

— Вы еще здесь, — сказал он мне. — Очень кстати.

Я выпрямилась.

— Слушаю.

— Мы поговорили в гостинице с людьми, которые приезжают сюда каждый год. Они говорят, раньше такие вопросы решали нормально. Местные знают, где можно пройти, а где нельзя. А потом начинается вот это: присылают человека, он ничего не знает, боится за свою подпись...

— Владимир, — прервал Егор.

— Я не вам. Я хочу понять, на каком основании...

— На основании работы, которую она здесь делает. Не надо рассказывать ей, чего она боится.

Стас поднялся. В комнате стало тесно, хотя никто не приблизился к Володе.

— Хорошо, — тот вытянул губы. — Тогда скажите честно: вы хоть раз сами ходили выше этих ваших кабинетов?

— Да, — ответила я. — И сегодня работала на допущенном участке. Если вам нужны пояснения по закрытию, я могу повторить. Если вы хотите добиться другого ответа только потому, что первый вас не устраивает, у меня другого нет.

Он посмотрел на Егора.

— Это ваш новый способ общения с клиентами?

— Это ее ответ на ваш вопрос. По нашей программе разговаривайте со мной.

— Мне нужна нормальная неделя. Я не хочу каждый вечер слушать, что завтра опять ничего не понятно.

— Тогда не станем продлевать ваше ожидание. Давайте сейчас разберем отмену той части, которую вы больше не хотите ждать.

Спутница Володи взяла его за рукав.

— Пойдем. Мы же за этим пришли.

Он высвободил руку, но уже без резкости.

— Ну давайте, разбирайте.

Стас увел их в соседнюю комнату. Егор остался у двери, пока они проходили. Мне было неприятно, что мне при всех потребовалась его защита, хотя я и не просила о ней. Еще неприятнее было признать, что я ей обрадовалась.

Лена пододвинула ко мне чай.

— Остыл уже, наверное. Зато крепкий.

— Спасибо.

— Он не всегда такой, этот Володя, — сказала она. — Сегодня у них, кажется, годовщина. По крайней мере, жена утром искала, где здесь купить торт.

Я посмотрела на дверь в соседнюю комнату. Слышался голос Стаса, ровный и немного усталый. Мне не стало приятнее от поведения гостя, но сразу расхотелось назначать ему характер на всю оставшуюся жизнь.

Стас вернулся с расписанием и вычеркнул два имени.

— Уезжают. За оставшуюся верхнюю программу рассчитаемся. Гостиницу и билеты через нас тоже вернуть хотели,

но тут я ничего не обещал.

Лена потянула лист к себе.

— Значит, эти дополнительные смены тоже снимаем?

— Да. Пока поставить нечего.

Она посмотрела на пустые клетки и отложила ручку. Егор собирал со стола чашки. Одну, с отбитой ручкой, он переставил два раза и так и оставил на месте.

Мы закончили через полчаса. Никакого блестящего решения не нашли. Несколько уроков передвинули, для части гостей подготовили другой вариант, двое инструкторов должны были связаться с людьми лично. Я обещала прийти на утреннее короткое обсуждение, чтобы объяснить новые данные, если они появятся, и ушла, пока не решила снова оправдаться за чужие потери.

Егор вышел следом. На улице уже стемнело. Снег в свете фонаря был желтым, дальше двор быстро растворялся в темноте. Я надевала перчатку и никак не могла попасть большим пальцем куда надо.

— Подождите, — сказал он.

Я подняла голову.

Он протянул мне вторую перчатку, которую я оставила на стуле.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Несколько секунд мы стояли молча. Из здания донесся возмущенный голос Лены, затем дружный смех. Я наконец

справилась с пальцем.

— Вам не обязательно было вступаться, — сказала я.

Егор засунул руки в карманы.

— Я знаю.

— Я умею отвечать на такие вопросы.

— Это я тоже сегодня заметил.

Мне пришлось улыбнуться, хотя я еще пыталась сохранить серьезный вид.

— Я не очень удачно начала.

— Вы приехали ночью, с утра пошли работать, потом слышали от шести незнакомых людей, что испортили им жизнь. Бывало и лучше, наверное.

— Бывало.

— У меня тоже.

У него на волосах задержались две снежинки. Я заметила, как они растаяли, и сразу отвела взгляд. За целый день я не успела толком рассмотреть мужчину, с которым столько спорила. Теперь, когда он больше ничего не требовал, рассматривать стало почему-то опаснее.

— Вы в «Ручье»? — спросил он.

— Да.

— Здесь направо, за магазином налево. По короткой тропинке за прокатом не идите, там вечером плохо видно ступени.

Я посмотрела на него.

— Это рекомендация?

— Это я три дня назад сам там грохнулся. Можете считать личным отзывом.

Я засмеялась. Он улыбнулся в ответ, и лицо у него сразу стало другим: моложе, менее собранным, с неожиданной складкой у левого глаза.

— До завтра, Ника.

— До завтра.

Я пошла по освещенной улице. У магазина мужчина выносил пустые ящики, из пекарни пахло горячим маслом, кто-то долго не мог завести машину и ругался, обращаясь к ней по имени. На повороте я все-таки обернулась.

Егор уже вернулся в школу. Свет за его окном был теплым, обычным, и мне впервые за весь день захотелось, чтобы утро пришло поскорее не только ради работы.

Глава 2. Здесь тоже живут

На следующее утро Егор приехал на базу с огромным пакетом розовых носков.

Я стояла у входа, допивая кофе из термокружки, и сначала решила, что пакет чужой. Через прозрачный пластик были видны нарисованные коты, ягоды и полосатые сердца. Егор вытащил его с заднего сиденья, поставил на снег и полез обратно в машину за рюкзаком.

— У школы новая форма? — спросила я.

Он посмотрел сначала на меня, потом на пакет.

— Мать в город собирается. Заказала через знакомую. Почему оно у меня, выясняется.

— Через знакомую надежнее, чем просто в магазине?

— Судя по количеству, она собирается открыть свой.

Я наклонилась, разглядывая кота с зелеными глазами. Под ним было написано «Не трогать, заряжена».

— Эти вам надо оставить.

— Мне малы.

— Подарите Стасу.

— Он обидится, что нет денег.

Егор достал рюкзак и только тогда заметил кружку у меня в руке.

— Вы уже готовы?

— Я же обещала прийти к восьми.

— Сейчас без двадцати.

— У меня часы спешат.

Он посмотрел на часы на фасаде. Большая стрелка застыла между двумя делениями.

— Эти тоже. Второй год.

Я отпила кофе и отвела глаза. На самом деле я пришла раньше, потому что проснулась до будильника, успела нормально позавтракать и не смогла убедительно объяснить себе, зачем еще двадцать минут сидеть в номере. Признаться в этом человеку, который вчера был мне совсем чужим, было невозможно.

Егор поднял пакет.

— Сейчас уберу это добро, пока не начали задавать вопросы.

— Поздно, — сказала я.

Он усмехнулся и прошел в дверь.

В комнате Денис натягивал новые перчатки. Они оказались ярко-желтыми, с черными полосами по бокам. Он демонстративно поднял обе руки, как только увидел меня.

— Смотрите. Чтобы потом не было.

— Красивые.

— Мама купила.

— Передайте, что одобрено.

— Она обрадуется. Ей обычно не хватает комиссии.

Марина уже разговаривала по телефону. Мы дождались, пока она закончит, и обсудили план. Сегодня к группе при-

соединялся Егор: требовалось сопоставить несколько участков с тем, как ими пользовались инструкторы в прежние сезоны. Он знал места лучше меня, но это само по себе ничего не решало. Я приготовилась защищать эту очевидную разницу и довольно быстро обнаружила, что защищать ее не от кого.

Егор слушал, один раз поправил название старой тропы и спросил, понадобится ли карта, которой пользовалась школа. Когда Марина ответила, что пригодится, он передал сложенный лист Денису и пошел за снаряжением.

— Не разочарованы? — негромко спросила Марина.

— Чем?

— Тем, что пока никто не предлагает вам доказать свою правоту ценой собственной головы.

— Я не настолько испорчена.

— Посмотрим.

За последние сутки я начала подозревать, что сухой тон был у нее просто удобным способом прятать удовольствие от чужого смущения.

Мы вышли на разрешенный маршрут вчетвером. Денис и Марина шли впереди, мы с Егором немного отстали. Я старалась смотреть по сторонам, запоминать расположение строений и рельеф, а не движение его плеч под рюкзаком. Выходило с переменным успехом.

В горах я привыкла ощущать собственное тело как рабочий инструмент. Где натер ботинок, почему тянет под коле-

ном, не слишком ли жарко застегнут ворот. Рядом с Егором к этим необходимым сведениям вдруг прибавились бесполезные. Например, я чувствовала, что выбившаяся из-под шапки прядь прилипла ко щеке, и хотела убрать ее красиво, а не просто сунуть под край. Раздражалась на себя и убирала еще неуклюжее.

— Мешает? — спросил он.

— Что?

— Волосы.

— Нет.

Он ничего не ответил. Я все-таки остановилась, сняла перчатку и заправила прядь. Егор терпеливо подождал.

— Мешает, — призналась я.

— Заметил.

— У вас наблюдательность профессиональная или неприятная врожденная черта?

— Одно другому не мешает.

Впереди Денис поскользнулся на утоптанном месте, удержался и немедленно оглянулся, проверяя, видел ли кто-нибудь. Егор сделал вид, что смотрит в другую сторону. Я не стала говорить, что видела и то и другое.

За поворотом поселок исчез. Остались стволы, полосы тени на снегу и ветер где-то высоко, пока еще не достававший до нас. В такие минуты я снова понимала, почему возвращаюсь. Не ради сложных решений, не ради споров с начальством, не ради ощущения полезности. Здесь мне нравилось

быть. Нравился звук собственного дыхания, крупные темные лапы елей, маленькие следы возле корня. Мои страхи никуда не исчезали, но хотя бы переставали занимать все пространство.

Марина остановила группу в намеченном месте. Дальше началась работа, и о пряди я забыла.

Егор показывал, как менялось использование нижнего участка, вспоминал, куда раньше съезжали инструкторы после занятий. Я уточняла, где он сам присутствовал, а где знал со слов других. Один раз он раздраженно выдохнул.

— Я понимаю, зачем вы спрашиваете. Но мне не обязательно каждый раз делать вид, что у меня провал памяти.

— Мне тоже не обязательно считать воспоминание точным только потому, что вы его уверенно рассказываете.

Он посмотрел на меня, потом на Марину. Та возилась с застёжкой сумки и совершенно очевидно не собиралась вмешиваться.

— Хорошо, — сказал Егор. — Здесь был лично. В прошлом январе. Насчет начала февраля уточню у Лены.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответил он уже менее дружелюбно.

Я наклонилась к своим записям, сердясь и на его тон, и на то, что успела заметить его перемену. Мне не требовалось, чтобы всем нравился способ моей работы. Во всяком случае, так я себе сказала.

Через некоторое время Денис начал торопиться. Он все-

гда делал это молча: быстрее убирал вещи, раньше поднимался, перебегал взглядом от Марины к следующей точке. Я узнала привычку раньше, чем успела спросить, куда ему надо.

Егор заметил тоже.

— Ты на время решил?

— Нет, я нормально.

— Я спросил, куда торопишься.

Денис помолчал.

— Мне надо потом в поселок. Посылку забрать. Они до часу сегодня.

— И ради посылки ты сейчас сэкономишь три минуты, а потом мы вернемся, потому что ты что-нибудь оставил?

— Ничего я не оставляю.

— Тогда перестань дергать сумку.

Егор сказал это резче, чем требовалось. Денис надулся и отвернулся. Я уже открыла рот, но Марина опередила меня:

— Посылку заберешь. Сейчас закончим спокойно, а потом я позвоню, чтобы придержали. Вопрос решен.

Егор отошел на пару шагов. Я посмотрела на него.

— Вы могли просто спросить, что случилось.

— Я спросил.

— Вы сначала успели его отчитать.

— Ника, я его знаю не первый день.

— Это дает скидку на тон?

Он прищурился.

— А мне положено еще одно публичное извинение или пока рано?

Я замолчала. Он был неправ, но и я не собиралась изображать, будто моя реплика родилась исключительно из заботы о Денисе. Меня задел его ответ про воспоминания, и я воспользовалась первой возможностью вернуть неприятное чувство.

Дальше мы работали почти без разговоров. Когда собрались возвращаться, Егор подошел к Денису и что-то сказал тихо. Я не услышала слов. Денис пожал плечом, потом протянул ему один край сумки, и они вместе затянули застежку, которую до этого упрямо не удавалось закрыть.

На обратном пути Егор шел рядом со мной. Я какое-то время ждала, что он заговорит, потом устала ждать.

— Я тоже могла сказать мягче.

— Могли.

— Вы всегда такой щедрый в ответах?

— Нет. Сейчас я выбираю между честным и приятным.

— Выберите короткий.

Он посмотрел на меня и засмеялся. Смех вырвался у него неожиданно, с тихим хриплым звуком. Я тоже не удержалась.

— Ладно, — сказал он. — Коротко: утро все равно хорошее.

Я посмотрела на лес. Солнце добралось до ветвей, и с одной из них сорвалась целая пригоршня снега.

— Хорошее.

— Вам правда здесь нравится?

Вопрос удивил меня.

— Конечно. Почему нет?

— Вы иногда выглядите так, будто приехали отбывать наказание.

Я хотела возразить, но не нашла достаточно убедительного ответа. Вместо этого развернулась на месте и задрала голову к вершинам деревьев. Снег падал мелкой пылью, цеплялся за ресницы, таял на губах. Я знала, как глупо выгляжу. Тридцатишестилетний специалист по безопасности доказывал мужчине, что умеет радоваться зиме.

— Убедились?

Егор стоял, не скрывая улыбки.

— Почти. Еще можно было бы упасть в сугроб, но это уже слишком серьезное заявление.

— Не заслужили.

Я пошла вперед первой. Он догнал меня через несколько шагов, и остаток дороги мы спорили о том, можно ли считать любимой погодой ту, из-за которой приходится откапывать машину. Мне нравился сухой мороз; он утверждал, что это уверенная позиция человека, у которого сейчас нет машины во дворе. Я напомнила про пакет с розовыми носками и предложила обсуждать серьезность позиций после его доставки владельцу.

На базе Денис действительно успел уйти за посылкой. Ма-

рина отправила его первой, а нам велела поесть, пока она разбирает сообщения. Егор посмотрел на время.

— У меня через полчаса занятие.

— Успеете, — сказала она.

— Я лучше потом.

— Озеров, я не твоя мать. Хочешь быть голодным — будь.

Только не говори потом, что я задержала.

Он все-таки налил себе суп. Я сделала вид, что не заметила, как он ел стоя, одной рукой придерживая телефон. Утром он успел рассмотреть чужую спешку гораздо лучше, чем собственную.

После обеда у меня оставалось время до работы с материалами. Я прошла к нижнему учебному склону, собираясь просто посмотреть, как организовано движение. Там стояли двое взрослых учеников, оба заметно старше меня. Женщина в красной шапке бодро объясняла мужчине, что он опять согнул не те ноги. Мужчина молчал с выражением человека, который уже пожалел о супружестве в целом.

Егор появился со стороны школы и выслушал ее, не перебивая.

— Татьяна, — сказал он наконец, — у вас сейчас свободное катание или занятие с нами?

— Я ему помогаю.

— Я вижу. Но он сегодня заплатил, чтобы ему помогал я. Дайте хоть немного заработать.

— Я же ничего такого не сказала.

Мужчина поднял голову.

— Таня, съезди, пожалуйста, без меня. Я потом расскажу.

Она посмотрела на него с настоящим удивлением. Возможно, он редко просил таким тоном. Потом поправила шапку и сердито ушла.

Егор не стал поздравлять ученика с победой. Подождал, пока тот перестанет смотреть ей вслед, и начал объяснять дальше. Я стояла достаточно далеко, чтобы не слышать всех слов, но видела, как менялось лицо мужчины. Он перестал втягивать голову в плечи. Один раз качнулся, выругался, потом улыбнулся. Егор тоже улыбнулся, но не бросился хвалить его так, как хвалят маленького ребенка. Просто продолжил.

Я поняла, что смотрю уже не на организацию движения.

Рядом остановилась Лена. Сегодня она была в зеленой шапке, из-под которой торчали короткие черные волосы.

— Сложная у вас работа, — сказала она.

— У вас тоже.

— У нас хотя бы иногда люди радуются прямо при нас. Вам, наверное, чаще достается другое.

Я пожала плечами.

— Зато не надо убеждать никого, что он обязательно научится.

— Я не убеждаю, что обязательно. Я говорю, что мы попробуем. А там уже как пойдет. Вон Миша третий день уверен, что испортил жене отпуск. Хотя она два часа в день пре-

красно катается без него и приходит гораздо добрее.

— Это ваш ученик?

— Сегодня Егора. Я с утра занималась с Маргаритой. Той, которая у вас вчера сидела в белом и страдала. Она сегодня сказала, что, может быть, еще придет одна. Муж не обиделся. Он, кажется, хочет в Египет.

Я рассмеялась.

Лена посмотрела на меня с интересом.

— А вы катаетесь? Не по работе, а так?

— Бывает.

— У нас в конце недели несколько человек собираются на открытые трассы. Если будет нормальная погода. Без клиентов, просто для себя. Приходите.

— Посмотрю по работе.

— Только не отвечайте так, если просто не хочется. Я умею переносить отказ.

— Мне хочется.

Слова вырвались раньше, чем я успела подобрать привычную оговорку. Лена улыбнулась.

— Тогда запишу вас. А работу потом посмотрите.

Она ушла к своей группе. Я еще несколько минут стояла у ограждения, потом поймала взгляд Егора. Он чуть поднял подбородок, здороваясь, и сразу повернулся к ученику. Я почему-то обрадовалась, что не стал бросать все ради меня. И тут же разозлилась на эту мысль: с какой стати он вообще должен был что-то бросать?

К вечеру пошел мелкий снег. Я закончила раньше, чем ожидала, и по дороге в отель зашла в магазин за шампунем. В узком проходе возле хозяйственной полки пожилая женщина в аккуратной темной шапке сравнивала две коробки. На одной был нарисован электрический чайник, на другой — тоже, но в три раза крупнее.

— Девушка, — обратилась она ко мне. — У вас глаза молодые. Тут написано, что он сам выключается?

Я посмотрела.

— Написано.

— И вот этот?

— Тоже.

— А почему этот дороже почти на две тысячи?

— Возможно, из-за подсветки.

Она внимательно изучила изображение голубого свечения внутри колбы.

— Мне кипятилок нужен, а не дискотека.

— Тогда берите этот.

— А вам какой нравится?

Я выбрала тот, что был с подсветкой.

Женщина посмотрела на меня с укоризной, потом рассмеялась.

— Ну да. Глаза молодые, им хочется.

У кассы появился Егор. Он нес тот самый прозрачный пакет и выглядел так, словно уже давно сожалел о своем участии в носочной торговле.

— Мама, ты куда пропала? Я у аптеки жду.

— Чайник выбираю. Не кричи через весь магазин.

Он остановился рядом, посмотрел на меня и на коробки.

— Вижу, специалист уже работает.

— Очень толковая девушка, — сказала его мать. — Только свет ей зачем-то нужен в кипятке. А ты забрал мое?

Егор поднял пакет.

— Все шестьдесят пар.

Я не выдержала и посмотрела на женщину. Она сразу заметила.

— Не мне. Я в санаторий еду с приятельницей, у нее там девочки работают. Это на всех. А он с утра делает вид, что я окончательно потеряла рассудок.

— Я просто спросил, зачем тебе шестьдесят пар носков.

— Тем же тоном, каким в детстве спрашивал, зачем тебе суп.

Егор закрыл глаза на секунду. Я старалась смотреть на ценники, но плечи уже начали предательски подрагивать.

— Вы знакомы? — спросила его мать.

— По работе, — ответил он. — Ника. Лидия Петровна.

— Очень приятно. Сын хороший, только шумный.

— Мама.

— Вот видите.

Я засмеялась вслух. Егор посмотрел на меня с таким выражением, будто запомнил участие в заговоре и собирался рассчитаться позже.

Лидия Петровна выбрала простой чайник. Когда продавщица начала пробивать покупку, Егор достал карту. Мать шлепнула его по запястью перчаткой.

— Я сама.

— Да я просто...

— А я просто сама. Ты мне лучше потом до автобуса сумку донеси, когда соберусь.

Он убрал карту. Я купила шампунь, упаковку горького шоколада и почему-то еще яблоки, хотя не собиралась. Рядом с ними мое участие в чужом семейном разговоре казалось менее очевидным.

На улице снег уже оседал на ресницах. Лидия Петровна взяла коробку с чайником, пакет с носками отдала сыну и спросила, куда я иду.

— В «Ручей».

— Нам по дороге. Пойдемте вместе. Я быстро, не смотрите на возраст.

Быстро она действительно умела. Мы с Егором шли по сторонам, как сопровождение важной делегации, а она рассказывала про приятельницу, которая собиралась в санаторий с огромной шляпой, будто их ожидал не зимний санаторий, а берег Средиземного моря. Егор несколько раз пытался вставить замечание и каждый раз терпел поражение.

У поворота к ее дому он остановился, чтобы забрать коробку. Лидия Петровна отдала ее без спора.

— Ника, заходите как-нибудь на чай. У нас теперь надеж-

ное оборудование.

— Спасибо.

— Только не обещайте из вежливости. Я сама так часто делаю, потом мучаюсь.

Я улыбнулась.

— Не обещаю. Но запомню.

Она кивнула, будто именно такой ответ ее и устроил, и пошла к подъезду. Егор задержался на секунду.

— Вы сегодня до вечера заняты?

— Уже нет.

— Я сейчас отнесу это, потом вернусь в школу. Часов в семь могли бы выпить кофе. Внизу у нас есть место, где им не отравляют.

Я хотела ответить сразу, но вдруг вспомнила утро и свой приход без двадцати. Не хотелось быть слишком очевидной. Это было смешно: я могла без запинки обсуждать с ним сложные рабочие вопросы и терялась перед самым обычным приглашением.

— Сегодня мне еще надо кое-что закончить, — сказала я.

Он кивнул.

— Тогда в другой раз.

От того, как легко он принял ответ, я мгновенно пожалела о собственной осторожности.

— Завтра, — добавила я. — После шести. Если вам подойдет.

— Подойдет.

Он улыбнулся, и я почувствовала глупое облегчение. Лидия Петровна позвала его из подъезда, требуя не морозить покупки. Егор поднял пакет с носками в знак подчинения и ушел.

В номере я поставила яблоки на стол, достала шоколад и некоторое время смотрела на телефон. Ничего заканчивать мне не требовалось. Я могла признаться в этом хотя бы себе, но вместо того открыла рабочие записи и нашла два места, которые стоило уточнить. В результате посидела еще сорок минут, разозлилась на себя и пошла в душ.

На следующий день все складывалось неудобно с самого утра. У меня не открылся нужный файл, Денис перепутал две папки, Рошин позвонил в тот момент, когда я наконец села есть. Ни одно событие само по себе не было бедствием, но вместе они заставили меня к пяти часам думать о кофе с Егором как о личной награде за стойкость.

Я успела вернуться в отель, переодеться в чистый свитер и распустить волосы. Винный свитер оказался слишком заметным для обычного кофе, и я снова надела серый. Потом подумала, что это уже совсем унижительная нерешительность, вернула винный и рассердилась настолько, что даже не стала краситься.

Сообщение пришло, когда я застегивала куртку.

«Ника, не успеваю. У Лены мама попала в больницу в городе, она срочно уезжает. Надо забрать вечернюю группу и разобраться с завтрашним днем. Извини. Позвоню, как осво-

божусь».

Я перечитала его два раза. С Лениной мамой явно случилось что-то неприятное, и единственным приличным ответом было сочувствие. Я так и написала: «Конечно. Надеюсь, все обойдется».

Потом сняла куртку и села на кровать.

Ничего дурного он не сделал. Предупредил заранее, объяснил причину, не оставил меня ждать за столом. Все это я понимала. И все равно обидно было до детского желания немедленно чем-нибудь заняться так, чтобы он потом обнаружил: я вовсе не сидела в номере, ожидая его звонка.

Я посмотрела на свитер и засмеялась. В тридцать шесть лет особенно неприятно замечать, что некоторые глупости никуда не делись, просто научились лучше объяснять свое существование.

Внизу Аля расставляла на стойке небольшие стеклянные банки. В каждой лежали фантики, пуговицы или цветные камни.

— Это украшение? — спросила я.

— Это дети после новогодних каникул выгребли карманы. Я пытаюсь решить, что из этого жалко выбрасывать. Вы куда собрались?

— Хотела пройтись. Есть здесь место, где можно выпить кофе одной и не чувствовать, что заняла чужой романтический стол?

— Есть. У меня кухня. Но там я, и я буду болтать.

— Заманчиво.

Она посмотрела на свитер, потом на мое лицо, но ничего не спросила.

На кухне Кирилл, высокий светловолосый мужчина в футболке, нарезал овощи. Аля представила нас и велела ему освободить половину стола. Он без спора сдвинул доску.

— Только не спрашивайте, вкусно ли я готовлю, — сказал он мне. — Она потом использует любые показания.

— Он готовит вкусно, — сказала Аля. — Но так, будто до него никто не изобрел раковину.

Кирилл показал на единственную грязную ложку.

— Где?

— Пока одна. Я знаю темп.

Я села у окна. Аля сварила кофе, поставила передо мной небольшую тарелку с кусочками сыра и спросила, привыкла ли я к номеру. Я честно сказала, что подушка слишком высокая. Она тут же поднялась, но я поймала ее за рукав.

— Не сейчас. Я просто ответила.

— Хорошо. Потом поменяю. Видите, у нас уже прогресс.

Разговор постепенно ушел от гостиницы. Кирилл рассказывал, как зимой пытался заказать в поселок большое живое растение и получил коробку с двумя мерзлыми палками. Аля утверждала, что предупреждала. Он отвечал, что предупреждение «ты с ума сошел» не считается ботанической консультацией. Я смеялась больше, чем ожидала, и перестала смотреть на телефон.

Потом Аля объявила, что в конце следующей недели у нее день рождения.

— Я не устраиваю обязательное веселье, — сказала она.
— Просто соберемся в ресторане у моста. Людей немного. Приходите, если захотите.

— Вы меня совсем не знаете.

— Поэтому и приглашаю. Тех, кого я уже знаю, иногда приглашать страшнее.

— Это про меня? — спросил Кирилл.

— Нет, тебя я обязана взять. Ты за тортом едешь.

Я согласилась раньше, чем успела придумать причину отказа. Аля сразу записала меня в телефоне и спросила, ем ли я рыбу. Вопрос оказался таким обычным, что я неожиданно почувствовала благодарность. Никаких расспросов, почему я одна, кто ждет меня дома, не скучно ли все время переезжать. Только рыба и время начала.

Когда я вернулась в номер, было почти девять. От Егора пришло еще одно сообщение: «Освободился. Поздно уже для звонка?»

Я ответила, что не поздно.

Он позвонил через несколько секунд.

— Привет. У Лены пока ничего окончательного, обследуют. Она доехала.

— Хорошо. То есть хорошо, что доехала.

— Я понял. Ты как?

Он впервые сказал мне «ты» и, кажется, заметил это од-

новременно со мной. На другом конце возникла короткая пауза.

— Нормально, — ответила я. — Пила кофе.

— Без меня?

— Представьте, такая возможность существует.

— Уже представляю. Обидно, но развивает кругозор.

Я улыбнулась и села в кресло у окна.

— Ты ел? — спросила я и тут же пожалела: получилось слишком заботливо, слишком заранее, будто я уже имела на это право.

— Ел. Стас принес что-то, что называл мясом. Мы решили не уточнять.

— Верное решение.

— Я правда хотел сегодня тебя увидеть.

Я перестала крутить край пледа.

— Я тоже хотела.

В комнате было тихо. За стеной один раз хлопнула дверь, по коридору прошли люди. Мне вдруг стало легче от простых слов, которые я не стала украшать ни шуткой, ни оговоркой.

— Давай завтра, — сказал он. — Но я не хочу снова назначить и сорвать. С утра посмотрю, как получится со сме-нами, и напишу.

— Хорошо.

— Ты не обязана освобождать вечер заранее.

— Я и не собиралась.

Он тихо рассмеялся.

— Вот теперь узнаю.

Мы еще немного поговорили. Он рассказал, что Лидия Петровна все-таки пожалела о чайнике без подсветки, потому что соседка купила точно такой же со светом и теперь приходила демонстрировать. Я призналась, что выбрала бы голубое свечение просто из-за красоты, хотя не могла придумать ни одного разумного довода.

— Не все же обосновывать, — сказал Егор.

— Опасная мысль.

— Я бы попробовал на чайнике. Потом посмотрим.

После звонка я еще долго сидела в кресле. Вечер прошел совсем не так, как я воображала, пока меняла свитеры, и не стал от этого потерянным. Я познакомилась с Кириллом, получила приглашение на день рождения, съела почти весь сыр на чужой кухне и впервые поговорила с Егором без необходимости что-либо решать.

Перед сном пришла фотография. На ней он держал перед собой розовый носок с зеленоглазым котом. Лица почти не было видно, только край усмешки над надписью.

«Мать разрешила оставить одну пару. Стас отказался. Говорит, не его размер личности».

Я рассмеялась так громко, что пришлось закрыть рот ладонью. Потом достала из чемодана серебряные серьги и положила на стол рядом с часами.

Глава 3. Без рабочей куртки

К двадцатому января у меня появился человек, которому я отправляла фотографии нелепых вещей.

Сначала это был снеговик возле аптеки. Кто-то воткнул ему вместо носа длинную пластиковую ложку, и он выглядел возмущенным медицинским работником. Потом — объявление на двери магазина: «Хлеб будет после хлеба». Продащица объяснила, что торопилась и имела в виду обед, но исправлять не стала, потому что покупатели начали заходить чаще.

Егор в ответ прислал снимок Стаса, уснувшего над учебным расписанием. На лбу у того отпечатались ручка. Я написала, что разглашение чужой слабости не украшает мужчину. Через минуту пришла фотография самого Егора в розовых носках, натянутых только на половину ступни.

«Восстановил справедливость».

Оказалось, этого совершенно достаточно, чтобы я смеялась одна в служебной комнате, а Денис смотрел на меня с деликатным любопытством.

Кофе мы все-таки выпили. В первый раз — за маленьким столиком в школе, где постоянно кто-нибудь появлялся, искал ключи или спрашивал, куда делась коробка с креплениями. Во второй Егор увел меня в кафе у моста и сел так, чтобы не видеть дверь. Я заметила это, но не стала благодарить

за очевидное. Он заказал мне пирожное, даже не спросив, какое я люблю, и выбрал то единственное, которое я никогда не покупала сама.

— Там чернослив, — сказала я.

— Да.

— Я не люблю чернослив.

Он посмотрел на пирожное с таким сожалением, будто я отказалась познакомиться с его лучшим другом.

— Совсем?

— Особенно в сладком.

— А где еще его можно любить?

— В чужой тарелке.

Егор молча подвинул к себе обе тарелки. Я расхохоталась и заказала лимонный тарт. После этого он перестал угадывать мои вкусы, но еще несколько раз возвращался к вопросу, не произошла ли у меня в детстве какая-нибудь тяжелая история с сухофруктами.

В остальном мы разговаривали удивительно мало о работе. Он знал город, в котором я жила, но терпеть не мог ездить в метро. Я любила метро и могла потерять терпение, ожидая машину всего пять минут. Он смотрел старые приключенческие фильмы до конца, даже если помнил каждую сцену. Я не выносила, когда знала финал, зато регулярно слушала одни и те же радиоспектакли, чем сразу дала ему прекрасный повод назвать меня непоследовательной.

— В спектакле я слушаю, как говорят, — объяснила я.

— А в кино я смотрю, как делают.

— Что делают? Там человек сорок минут ищет дорогу, которую ты знаешь заранее.

— Зато не бросает.

Я попыталась доказать, что это не ответ. Егор заказал себе еще одно пирожное с черносливом, и мне пришлось признать поражение хотя бы в той части спора, которая касалась удовольствия.

К этому времени я уже перестала выбирать свитер по полчаса. Иногда мне даже казалось, что я веду себя разумно. Потом замечала, как проверяю телефон прежде, чем снимаю перчатки, и вся разумность заканчивалась.

Утром двадцатого у меня был первый настоящий свободный день. Не несколько часов между задачами, а день целиком. Я заранее купила посещение бассейна в большом отеле на другом конце поселка и теперь лежала в кровати, думая, не лучше ли остаться под одеялом.

За окном шел снег. Из бассейна надо было тащить мокрые вещи обратно. В номере было тепло, на столе лежал шоколад, а в телефоне — письмо о весенней полевой работе, на которое я откладывала ответ уже два дня.

Я села, натянула носки и открыла письмо.

Сроки подтверждали. Нужно было выезжать в начале апреля, возвращение ожидалось ближе к концу мая. Состав команды, условия и задачи были мне знакомы; я хотела этой работы еще осенью. Никакой новой причины колебаться не

появилось. Кроме одной, которую было стыдно даже формулировать: теперь я знала мужчину, с которым пила кофе и обменивалась дурацкими фотографиями.

Я написала, что подтверждаю участие. Перечитала, отправила и только после этого заметила, как сильно сжимала край одеяла.

Решение было правильным и все равно слегка горчило. Раньше я редко замечала цену собственного удобного устройства жизни. Оно позволяло мне быстро собираться, не объяснять задержки, принимать предложения, которые нравились. Теперь выяснилось, что мне хочется сохранить всю эту свободу и одновременно чтобы кто-то был рядом, когда я возвращаюсь в номер после смены. Причем не абстрактный кто-то, а Егор с его нелепой любовью к черносливу.

Я встала, пока не успела начать спорить с отправленным письмом.

Бассейн оказался почти пустым. У дальней дорожки медленно плыла пожилая пара, возле лестницы молодой мужчина убеждал себя войти в воду. Я оставила халат на стуле и нырнула.

Первые несколько дорожек думала о дыхании. Потом о том, как приятно не слышать телефона. Потом перестала думать вообще. Вода была прохладной, свет из высоких окон ложился на дно неровными полосами. Я доплыла до бортика, перевернулась на спину и некоторое время просто лежала, глядя вверх.

Никто не ждал от меня решения. Никакой участок не требовал немедленно сказать, можно ли туда идти. Даже мужчина у лестницы наконец вошел и теперь радостно брызгался, будто сам у себя выиграл спор.

Выйдя из воды, я увидела пропущенный звонок Иры. Перезвонила уже в раздевалке, сидя на скамье с полотенцем на голове.

— Ты жива? — спросила она.

— Пока да.

— Я видела твои фотографии. Снеговик и объявление. Очень содержательный отпуск.

— Это работа.

— Я помню. Поэтому особенно рада, что ты нашла время сфотографировать ложку.

Я улыбнулась.

Ира знала меня давно. Мы познакомились еще студентками, когда обе пришли не в ту аудиторию, но полчаса не решались выйти. Она осталась в городе, работала в издательстве, растила сына и обладала неприятной способностью слышать по одному моему вдоху, что я собираюсь солгать ради собственного удобства.

— Весну подтвердила? — спросила она.

— Сегодня утром.

— Отлично. А чего тянула?

Я поправила полотенце.

— Думала.

— Про работу?

— Ира.

— Все, не спрашиваю.

Она выдержала паузу ровно столько, чтобы я начала чувствовать себя нелепо.

— Есть один человек, — сказала я.

— Чудесно. Это уже лучше снеговика.

— Мы просто несколько раз встречались.

— Тогда так и говори. Зачем ты ставишь перед этим «просто», как табличку «ничего ценного не хранится»?

— Потому что ничего еще не произошло.

— А ты хочешь, чтобы произошло?

В раздевалку вошли две женщины и начали обсуждать, где лучше сушить купальник. Я понизила голос, хотя они вряд ли могли расслышать Иру.

— Да.

Она не стала радоваться слишком громко. За это я была ей благодарна.

— Ну и хорошо, — сказала она. — Только не присылай мне сразу список причин, почему это не получится. У меня сегодня корректура, я все равно не смогу добросовестно возразить по каждому пункту.

— Я ничего не собиралась присылать.

— Верю. Как его зовут?

— Егор.

— Сколько лет?

— Сорок два.

— Женат?

— Разведен.

— Он тебе это сказал или Аля в гостинице?

— Он.

— Уже прилично. А теперь иди суши голову. Слышу, как ты зубами стучишь.

Я рассмеялась. Мы попрощались, и я впервые подумала о происходящем без осторожного слова «просто».

До дня рождения Али оставалось три дня. Я хотела купить ей подарок и пошла в поселковый магазин, где на отдельной полке стояли местная керамика, свечи и деревянные ложки с одинаково серьезными медведями на ручках. Очень скоро стало ясно, что Аля, прожившая здесь несколько лет, либо уже имела все это, либо сознательно избегала.

Я вышла на улицу без покупки и встретила Егора.

Он стоял у машины и пытался освободить из-под заднего сиденья длинный тубус. На снегу рядом лежали две складные стойки. Он вытащил тубус рывком, задел дверной проем и выругался.

— Чем он виноват? — спросила я.

Егор поднял голову.

— Слишком длинный для собственной уверенности. Привет.

— Привет. Что это?

— Экран. Аля попросила к празднику. Кирилл придумал

фотографии показать. Теперь мне надо найти стойку, у которой не отсутствует половина деталей.

— Можно посмотреть?

Он отодвинулся. Я присела, разглядела крепление и вытянула из чехла маленький пакет.

— Это не оно?

Егор посмотрел на пакет, потом на меня.

— Оно.

— Сколько ты искал?

— Недостаточно, чтобы ты имела право так радоваться.

— Теперь у меня прекрасный день.

Он забрал пакет и поставил экран к машине.

— Ты откуда?

— Из бассейна.

Его взгляд на секунду задержался на моих влажных волосах. Я вдруг почувствовала себя гораздо менее одетой, чем была на самом деле.

— Понравилось?

— Да. А ты плаваешь?

— Могу не утонуть, если обстоятельства настоят.

— Очень содержательное описание навыка.

— Зато честное. Ты подарок выбираешь?

Я удивилась.

— Почему ты решил?

— Из этого магазина обычно выходят либо с подарком, либо с таким лицом.

— Не знаю, что ей купить. Кажется, у нее уже есть весь поселок.

Егор задумался.

— Она любит странные чашки.

— Насколько странные?

— Одна у нее с ручкой, в которую нельзя просунуть палец.

Пользуется, ругается и никому не дает выбросить.

Я вспомнила кухню и кривую синюю чашку у кофемашины.

— Видела. Но здесь, кажется, только медведи.

— В книжном бывают. Пройдем?

Я посмотрела на экран.

— А это?

— Это никуда не денется. Я проверял.

Он убрал вещи в машину, и мы пошли по улице вместе. Снег перестал, из водосточных труб еще не капало, но солнце уже делало подтаявший край навеса прозрачным. Егор шел медленнее, чем обычно. Я заметила и прибавила шаг.

— Я не хрустальная.

— Я вообще-то сам никуда не тороплюсь.

— А.

— Вот именно.

Мне пришлось рассмеяться. Он покосился на меня и тоже улыбнулся.

Книжный занимал половину первого этажа старого дома. В другой половине ремонтировали телефоны. Между ними

была открытая дверь, и мастер время от времени отвечал на вопросы покупателей о романах, не отрываясь от отвертки.

Чашки действительно нашлись. Одна была вытянутая, почти квадратная, с нарисованной уткой в короне. Я взяла ее и сразу поняла, что Аля обрадуется.

— Эта, — сказала я.

— Серьезная утка, — оценил Егор.

— Не завидуй.

— Я думаю, как ты объяснишь, почему выбрала именно ее.

— Скажу, что похожа характером.

— На утку?

— На королеву.

Он взял с соседней полки другую чашку, совершенно белую, с маленькой черной точкой у края.

— А это, наверное, ты.

Я прищурилась.

— Почему?

— Сначала кажется, что все просто. Потом начинаешь думать, зачем здесь точка и разрешается ли ее трогать.

— Очень смешно.

— Мне тоже нравится.

Я отняла чашку, повернула и показала надпись на дне: «Образец. Не продается».

Егор запрокинул голову и рассмеялся так открыто, что продавщица выглянула из-за стеллажа. Я смеялась вместе с

ним. В какой-то момент он коснулся моего локтя, просто чтобы удержать, когда я отступила к полке. Прикосновение длилось секунду, но я почувствовала его и после того, как он убрал руку.

Мы выбрали упаковку, поспорили о цвете ленты, причем спорил в основном Егор, неожиданно объявивший золотую ленту похожей на украшение колбасы. Я настояла на золотой. Потом он купил себе тонкую книгу с рассказами о путешествиях, которую продавщица посоветовала без всякого энтузиазма, и мы вышли.

До его машины было пять минут пешком. Я могла уйти прямо от магазина, но пошла с ним, делая вид, что мне тоже удобно в ту сторону.

— Мне сегодня подтвердили весеннюю работу, — сказала я.

Он повернул голову.

— Ту полевую?

— Да. С начала апреля примерно до конца мая.

— Далеко?

Я назвала район и коротко объяснила, чем предстоит заниматься. Он слушал внимательно, без привычного для случайных знакомых «и зачем тебе это надо».

— Ты рада?

— Да.

Он кивнул.

Я вдруг разозлилась на этот кивок. Мне хотелось, чтобы

он сказал что-нибудь еще. Что два месяца — долго. Что до апреля тоже осталось не так много. Что за неделю наших встреч что-то стало важным не только для меня.

— Ты сейчас очень вежливый, — сказала я.

Егор остановился.

— А надо как?

Я посмотрела на золотую ленту. Признаться в собственном ожидании оказалось труднее, чем рассказать о работе.

— Не знаю.

Он помолчал.

— Ника, я не очень понимаю, какое место могу занимать в таких разговорах. Мы несколько раз выпили кофе. Мне с тобой хорошо. Мне хочется увидеть тебя завтра и послезавтра. Но я не стану прямо сейчас говорить, что ты должна изменить апрель.

— Я и не собиралась его менять.

— Тогда чего мы оба так сердимся?

Я подняла глаза. Он действительно выглядел сердитым, но не на меня целиком. Скорее на нашу неловкость, на то, что простые вещи вдруг требовали длинных объяснений.

— Потому что мне тоже хочется увидеть тебя завтра, — сказала я. — И я не знаю, куда это деть.

Егор медленно выдохнул, потом улыбнулся одним уголком рта.

— До завтра можно никуда не девать.

Я хотела возразить, что он опять сводит сложное к про-

стоμου, но вдруг поняла: сейчас мне именно это и нужно. Завтра не требовало от меня ни переезда, ни отказа от работы, ни обещания, что я больше никогда не испугаюсь.

Мы дошли до машины. Он забрал тубус и стойки, а я осталась с чашкой в золотой ленте. На прощание он легко коснулся пальцами моей кисти. Я не отодвинула руку. Он тоже не торопился убирать свою.

— В пятницу у Али? — спросил он.

— Двадцать третьего, — поправила я автоматически и тут же остановилась. — Я не помню, какой это день недели.

— Значит, придем по числу. Надежнее.

Мы оба засмеялись, и я ушла, пока не успела сказать еще что-нибудь нелепое.

В следующие два дня мы виделись урывками. Егор работал за Лену, пока та оставалась с матерью. Я разбирала наблюдения и привыкала к местному распорядку. Северная чаша не открылась. Рошин продолжал задавать одни и те же тяжелые вопросы, Марина отвечала без раздражения лишь до третьего повторения. По остальным участкам работа шла своим чередом, и поселок постепенно перестал обсуждать меня как человека, приехавшего погасить здесь свет.

Днем двадцать третьего Аля постучала в мой номер с коробкой свечей.

— Можно на пять минут? — спросила она. — Мне нужен человек, который скажет, что из этого не выйдет похоронами.

В коробке лежали длинные белые свечи и короткие толстые, темно-красные.

— Красные, — сказала я.

— Кирилл сказал белые.

— Он уже знает, что ошибся?

— Еще нет. Но я скоро сообщу.

Она присела на край кресла и вдруг перестала улыбаться.

— Я каждый год думаю, что ничего не буду устраивать.

Потом все равно устраиваю, а в день рождения хочу, чтобы все отменилось. Это нормально?

— По-моему, довольно распространено.

— Мне тридцать четыре. Я должна была уже научиться просто получать удовольствие.

— Кто сказал?

— Все красивые женщины из интернета.

Я рассмеялась и закрыла ноутбук.

— Что нужно сделать?

— Ничего. Правда. Кирилл все отвезет, в ресторане все готово. Мне просто хочется пять минут посидеть там, где никто не спрашивает, сколько будет гостей.

— Тогда сиди.

Мы посидели молча. За окном два человека пытались стряхнуть снег с тента и спорили о том, с какой стороны начинать. Аля слушала их с возрастающим удовольствием.

— Вот, — сказала она наконец. — Люди тоже не знают, что делают. Очень помогает.

Я засмеялась. Она поднялась, забрала свечи и уже у двери спросила:

— Ты пойдешь в том винном свитере?

— Наверное.

— Он тебе идет.

Я почему-то смутилась сильнее, чем от комплимента мужчины.

Потом долго стояла перед зеркалом. Волосы высохли после душа мягкими волнами, серьги двигались возле шеи. Я нанесла немного туши, стерла слишком яркую помаду, снова нанесла. В конце концов оставила ту, в которой чувствовала себя собой, а не человеком, выполняющим важное задание понравиться.

В ресторане у моста уже пахло горячим хлебом и мясом. Стол поставили возле окна. На стене висел экран, у которого Егор и Кирилл спорили о проводе. Стас держал ноутбук и выражением лица показывал, что готов возглавить процесс, но из милосердия пока воздерживается.

Егор увидел меня не сразу. Я успела снять куртку, обнять Алю и вручить чашку. Та раскрыла бумагу, посмотрела на утку и прижала подарок к груди.

— Она великолепна.

— Я же говорил, — заметил Егор у меня за спиной. — Корона опасная, но характер подходит.

Я повернулась.

На нем была темная рубашка с открытым воротом. Воло-

сы, обычно примятые шапкой, оказались чуть длиннее, чем я думала. Он стоял близко, но не касался меня, и от этого я почему-то особенно ясно чувствовала расстояние между нами.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Аля посмотрела с него на меня, потом немедленно отвернулась к Кириллу и очень громко спросила, где свечи. Я была благодарна ей за эту неуклюжую деликатность.

Егор забрал у меня пустую упаковку.

— Хорошо, что ты пришла.

— Я обещала.

— Я не об этом.

Я подняла глаза. Он смотрел прямо, без рабочей собранности, и у меня неожиданно пересохло во рту.

— Я тоже рада, — сказала я.

Кирилл в этот момент громко объявил, что экран победили, и нам пришлось отступить, пропуская официанта со стульями.

Гостей оказалось двенадцать. Кроме школьной компании были две подруги Али, соседская пара и женщина, которую мне представили как Наталью, хозяйку цветочного магазина. Лена приехать не смогла, но прислала голосовое поздравление и фотографию матери из больничной палаты. На фотографии та сердилась на слишком большой букет, а Лена подписала, что это хороший признак.

Егор сел рядом со мной. Первые полчаса мы почти не разговаривали: поздравления, блюда, вопросы о том, кому что передать. Его колено один раз коснулось моего под столом. Он чуть отодвинулся, я осталась сидеть неподвижно и почувствовала себя очень глупо. Потом сама передвинула стул ближе к столу, и расстояние исчезло снова.

— У тебя есть место? — тихо спросил он.

— Есть.

— Хорошо.

Он больше не отодвигался.

Фотографии начали показывать после горячего. На первой Аля, лет пяти, сидела в тазу среди огурцов. Она закрыла лицо руками, Кирилл сказал, что слишком поздно, права на изображение уже переданы семье.

На следующей фотографии был какой-то школьный спектакль. Аля в огромной шляпе стояла возле нарисованного дерева и смотрела на соседнюю девочку с настоящей ненавистью.

— Она забыла мою реплику, — пояснила именинница. — То есть свою, после которой шла моя. Мы стояли так минуту.

— И что ты сделала? — спросила я.

— Сказала обе. Меня потом больше не брали в принцессы.

— Логично, — заметил Стас. — Слишком самостоятельная монархия.

Потом появились взрослые фотографии: море, первый

день в отеле, сломанная машина, свадьба знакомых. На одной Егор стоял на летней поляне в нелепой соломенной шляпе. В руках у него был большой арбуз, а лицо выражало крайнее недовольство.

— Не надо эту, — сказал он.

— Поздно, — хором ответили Аля и Кирилл.

Я наклонилась вперед.

— Почему ты так страдаешь?

— Потому что он купил арбуз по звуку, — объяснил Стас.

— Долго стучал, слушал, говорил, что знает. А он оказался внутри почти белый.

— Один раз, — сказал Егор.

— Один очень убедительный раз.

Я смеялась вместе со всеми. Егор посмотрел на меня с деланным укором, но потом тоже рассмеялся. Это почему-то тронуло меня больше, чем все его спокойные ответы на работе. Ему было неприятно выглядеть нелепо, и все же он не пытался отобрать у друзей шутку.

Когда фотографии закончились, Наталья предложила игру. Нужно было без слов показать название фильма или предмет, который тебе напишут на бумажке. Я сразу отказалась, потому что терпеть не могла стоять перед людьми и изображать неизвестно что.

Егор отказался одновременно со мной.

— Тем более вы вдвоем первые, — сказала Аля.

— Почему это? — спросила я.

— Потому что у меня день рождения. Единственный день в году, когда я могу вести себя плохо официально.

Стас уже писал что-то на клочке бумаги. Егор попытался заглянуть, получил листком по носу и отступил.

— Вместе показывать? — уточнил он.

— Конечно. У вас же команда.

Я почувствовала, как нагрелись щеки. Егор посмотрел на меня, и мне показалось, что он тоже услышал в обычном слове слишком много.

На бумажке было написано: «Человек, который впервые собирает палатку».

— Это не название, — возмутилась я.

— Зато жизненно, — ответил Стас.

Егор прочел, поднял брови и отдал листок мне.

— Ты будешь человеком или палаткой?

— Я буду тем, кто уходит из этого ресторана.

— Отлично. Я останусь один с неизвестной конструкцией. Почти документально.

Я не выдержала и рассмеялась. Он вышел из-за стола, отодвинул стул и сделал вид, что вытаскивает из мешка что-то бесконечно длинное. Я постояла рядом, ощущая себя школьницей на плохом утреннике, потом увидела, как он с совершенно серьезным лицом пытается соединить невидимые детали, и вдруг включилась.

Я показала, что знаю, как надо. Отняла воображаемую инструкцию, перевернула ее три раза, уверенно ткнула паль-

цем в потолок. Егор послушно поднял руки. Я обошла его кругом, попыталась натянуть на него невидимую ткань и в какой-то момент оказалась так близко, что уперлась ладонью ему в грудь.

Он замер на долю секунды. Под ладонью было тепло, рубашка натянулась на мышце. Я забыла, что именно собиралась изображать.

— Палатка! — крикнул Кирилл.

Стас возмутился, что слишком быстро, а я убрала руку, будто меня поймали на чем-то гораздо более личном, чем игра.

Егор наклонился ко мне.

— По-моему, нам нельзя вместе собирать настоящую.

— Почему?

— Мы до утра будем выяснять, кто прочел инструкцию лучше.

Я засмеялась. Он коснулся моей спины, помогая пройти между стульями, и это короткое прикосновение я почувствовала почти болезненно.

Позже включили музыку. Аля утатила Кирилла танцевать, соседская пара поднялась следом. Я сидела, крутя ножку бокала. Выпила я совсем немного, но в комнате было жарко, и хотелось выйти на улицу, чтобы охладить лицо.

Егор повернулся ко мне.

— Потанцуем?

Я посмотрела на него.

— Ты умеешь?

— Сейчас узнаем.

Это был самый неправильный и самый подходящий ответ. Я встала.

Он держал меня осторожнее, чем я ожидала. Ладонь лежала на спине, другая обхватывала мою кисть. Мы сначала двигались неловко, чуть мешая друг другу. Я пыталась угадать, куда он шагнет, и от этого несколько раз наступила ему на ботинок.

— Не надо заранее, — сказал он мне на ухо.

— Я не заранее.

— Тогда ты очень быстро исправляешь мои ошибки.

Я рассмеялась и перестала смотреть вниз. Егор притянул меня чуть ближе. Я почувствовала запах его кожи, что-то простое, теплое, без резкого одеколona. У него на шее, возле ворота, была маленькая складка ткани, которую хотелось разгладить пальцем. Это желание оказалось таким ясным, что я перестала притворяться перед собой: дело давно уже было не только в интересных разговорах.

Он смотрел на меня сверху, и я видела, что ему тоже не все равно, как близко мы стоим. От этого мне было хорошо и страшно одновременно.

— Ты сегодня все время улыбаешься, — сказал он.

— Тебя это беспокоит?

— Нет. Наоборот.

Я положила руку ему на плечо удобнее. Он заметил дви-

жение, но ничего не сказал.

Танец закончился слишком быстро. Мы еще секунду стояли рядом, пока вокруг уже менялась музыка, потом Егор отпустил мою руку. Я хотела попросить еще один танец и не смогла. Вместо этого сказала, что мне жарко.

— Выйдем?

Я кивнула.

На улице было тихо. От ресторана до моста дорожку посыпали мелкой крошкой, под ногами негромко похрустывало. Я застегнула куртку, но не надела шапку: после зала холод приятно касался висков. Егор нес свою в руке.

Мы прошли немного вдоль ограды. Из окна доносился приглушенный смех, за мостом светились вывески. В реке под темными краями льда двигалась вода. Я смотрела на нее, чтобы не смотреть на Егора каждую секунду.

— Хороший вечер, — сказала я.

— Да.

— Я обычно не люблю такие игры.

— Я заметил. Особенно когда ты начала мной руководить без единого слова.

— Ты без меня не справлялся.

— С палаткой — возможно.

Я повернулась к нему. Он стоял очень близко. Снег осел на его волосах, один маленький кристалл держался у виска. Я подняла руку и смахнула его. Это было совсем ненужное движение, и мы оба знали, зачем я его сделала.

Егор накрыл мою кисть своей ладонью. Я могла убрать руку, но не убрала.

Он чуть наклонился. Я подняла лицо и внезапно поняла, что у меня дрожат губы. Не от холода. От желания, которое оказалось слишком большим для первых двух недель, для фонаря у ресторана, для моей привычки все сначала объяснить себе.

— Подожди, — сказала я тихо.

Он остановился. Не отступил резко, не сделал вид, что ничего не собирался. Просто оставил между нами то небольшое расстояние, которое я попросила.

Я смотрела на его рот и злилась на себя за то, что сама все остановила.

— Я не потому, что не хочу.

— Я понял.

— Не уверена, что понял.

— Ника, ты сейчас держишь меня за ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.